

**К ПРОБЛЕМЕ ИСТОРИЧЕСКОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ
АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ПАРАЛЛЕЛЕЙ В КУЛЬТУРАХ АЛТАЙСКОГО
И ДОНО-УРАЛЬСКОГО РЕГИОНОВ В ПОСЛЕДНИЕ ВЕКА ДО Н. Э.**

В сарматских погребальных комплексах II—I вв. до н. э. от Южного Урала до Дона появляется довольно представительная группа находок инокультурного происхождения, обнаруживающая аналогии иногда на достаточно отдаленных территориях. В настоящей статье предпринимается попытка выявления характера этого круга инноваций, определения тех исторических реалий, которые стоят за ними.

Ответственный редактор
канд. ист. наук **Б.А.Раев**

К указанным находкам, в первую очередь, относятся ажурные прямоугольные бронзовые пряжки с изображениями верблюдов или сценами терзания, миниатюрные бронзовые модели котлов, костяные окончания гребней, украшенные стилизованными головками лошадей, костяные полированные проколки.

Художественные вещи из числа названных выполнены в манере, не имеющей местных истоков. Костяные окончания гребней с изображениями головок, развернутых в противоположные стороны и украшенных хохолками, близки изображениям на территории Хакасии (1, табл. XXXVIII; 2, с. 79). Не местные художественные традиции отражают и ажурные бронзовые пряжки. В сарматских погребениях они появляются не ранее II в. до н. э. Поиск им аналогий вновь уводит на восток. Абсолютно такие же пряжки происходят из Средней Азии и Центрального Казахстана. На Енисее, в Забайкалье и Ордосе были широко распространены ажурные поясные пластины, которые, наряду с общим сходством, имеют определенные стилистические различия с сарматскими пряжками. Исследователи отмечали, что появление этих пластин на Енисее связано с влиянием хуннов, которыми в свою очередь были восприняты и получили дальнейшее развитие традиции скифосибирского искусства. В последние вв.

до н. э., по словам М. А. Девлет, наблюдается обратная волна культурного влияния. Ордосские пластины попадают на Енисей, вместе с другими типично хуннскими вещами, что может быть объяснено подпаданием этого района под контроль хуннов (3, с. 18 сл.). С усилением влияния хуннской культуры связывает В. Д. Кубарев появление в курганах Уландрыка на Алтае поясных деревянных пластинчатых пряжек, которые копируют ажурные пластины Забайкалья и Ордоса (4, с. 76 сл.). Появление ажурных пряжек в Подонье и Поволжье результат восточных культурных влияний, для иных реконструкций у нас нет никаких данных. Вероятно, что в разных районах возникали свои центры изготовления таких пряжек, но традиция для всех была общей (3, с. 18). Об этом свидетельствует и то, что на поясах часто помещались две такие пряжки. Это отмечено в Забайкалье, на Алтае, Средней Азии и в Поволжье.

Миниатюрные копии бронзовых котлов известны в памятниках тесинского этапа тагарской культуры (II—I вв. до н. э.) и широко распространяются в таштыкскую эпоху (2, с. 79; 5, с. 152). М. Н. Пшеницына отмечала очень много параллелей в материальной культуре тесинского этапа и сарматов Южного Приуралья и Нижнего Поволжья. Это и костяные или роговые проколки, костяные игольники, мечи с кольцевидным навершием, некоторые типы пряжек. Причем, в контексте приоритет в культурном влиянии она отдает сарматам, так как в сарматских комплексах эти находки в большинстве своем датировались тогда вв. до н. э. Число таких соответствий можно было бы увеличить, отнеся к ним, например, ложковидные застежки, берестяные короба и некоторые другие вещи, встречающиеся как у тесинцев, так и сарматов.

Хронологический анализ показывает, что широкое распространение большинства упомянутых находок на сарматской территории приходится на время не ранее II в. до н. э., в основном II—I вв. Они не являются звеньями эволюции местной сарматской культуры, поскольку здесь не известны их прототипы в более ранних памятниках.

К находкам этого рода можно отнести и мечи с кольцевидным навершием. Рассмотрение всей совокупности их находок в хронологическом плане дает основание утверждать, что этот тип мечей в восточноевропейских степях появляется, начиная со II в. до н. э. Наиболее ранние их

находки встречаются вместе с мечами с серповидным навершием. Разрабатывавшаяся ранее гипотеза об автохтонном генезисе мечей с кольцевым навершием не подтверждается какими-либо убедительными фактами, зато время как далеко

на востоке этот сложившийся тип меча существовал, по крайней мере, начиная с раннескифского времени. Такой меч изображен на оленном камне из кургана Аржан в Туве. Кольцевые навершия известны у карасукских кинжалов. Эта традиция сохранялась у оружия в памятниках культур пазырыкского круга Алтая вв. до н. э. (4, с. 58; 6, с. 40; 7, рис. 1, 2, 3) и у татарских племен. О восточном импульсе в распространении у сарматов мечей с кольцевым

навершием говорит и то, что они, по ряду наблюдений, были снабжены ножнами с лопастями в верхней и нижней части для крепления к ноге. Такие ножны вошли в употребление на Алтае в III—II вв. до н. э. (4, с. 64), по конструкции они отличаются от ножен мечей с серповидным навершием.

Чем можно объяснить распространение у сарматов, начиная со II в. до н. э. большого числа находок вещей, характерных для культур раннего железного века, расположенных далеко к востоку от сарматской территории? Являются ли они результатом опосредствованного культурного влияния, некоей внеэтнической диффузии, или их появление связано с проникновением в степной район Восточной Европы нового населения?

Чтобы ответить на этот вопрос, следует обратиться к письменным источникам. В абсолютно независимых сочинениях китайских и античных авторов имеются сведения о значительных перемещениях населения в евразийских степях во II в. до н. э.

Древнекитайские историки Сыма Цянь и Бань Гу сообщают о целом ряде передвижений и военных столкновений народов, охвативших обширную территорию от северо-западных границ Китая до Бактрии. Соперничество между хун-нами и юэчжами, юэчжами и усунями, проживавшими в районе Дукьхуана, закончилось в конечном счете поражением юэчжей и отступлением их в Джунгарию в район долины реки Или, где они в свою очередь разгромили саков, которые также в большинстве своем покидают свою прежнюю территорию. Затем в Джунгарии юэчжи вновь были разбиты усунями и вынуждены были уйти далеко на запад, где они около середины II в. до н. э. захватили Бактрию

(8, с. 226—241). После этих событий в Средней Азии значительно увеличивается присутствие кочевого элемента, что нашло отражение в появлении большого числа крупных курганных могильников с явными элементами степной культуры (9; 10).

По всей вероятности, эти бурные события не могли не затронуть более северные степные районы и являлись по своему характеру более крупномасштабными, нежели изложенные в китайских источниках. Китайские историки описали их в основном со слов посла Чжана Цяня, посетившего Среднюю Азию по заданию императора, который мог не знать, что происходит на сопредельных территориях.

Анализ синхронных греко-римских источников позволяет сделать заключение о появлении во II в. до н. э. новых подразделений кочевников в степях Восточной Европы. В херсонесском декрете в честь Диофанта (110/109 г. до н. э.) в Северном Причерноморье упоминаются племена ревксиналов (роксоланов). Плиний называет целый ряд племен, перешедших через Дон. Причем, упоминание в этом списке сатархов дает возможность определить время этого переселения и его направление. Сатархи, как новое население, появляются в степном Крыму со II в. до н. э. скорее всего с востока (11, с. 56). Известны они были и в Средней Азии, некоторые исследователи предполагают их тождество с тохарами, фигурирующими у Страбона в списке народов, участвовавших в захвате Бактрии (12, с. 142). Уже неоднократно высказывалось мнение, что тохарский компонент присутствовал в передвижении племен II в. до н. э. и в освоении ими причерноморских степей и Северного Кавказа (12, с. 144; 13, с. 123 сл.).

Исследования по хронологии сарматской культуры позволяют утверждать, что увеличение кочевого населения в степях между Доном и Южным Уралом начинается со II в. до н. э., причем апогей этого процесса приходится, скорее всего, на его середину. Именно с этого времени начинается освоение сарматами бывшей территории Великой Скифии (14, с. 8 сл.), ощущается активизация кочевников на Кубани (15, с. 15). С новыми кочевниками сармато-массагетского круга может быть сопоставлено распространение с середины II в. до н. э. на Северном Кавказе катакомбного обряда захоронения (13, с. 130 сл.).

Б. Я. Стависким в свое время было высказано интересное соображение о взаимосвязи таких событий как падение

Греко-Бактрии под ударами кочевников и их активизация на Северном Кавказе и Скифии. В этих событиях, по его мнению, могли участвовать одни и те же племена или часть их (16, с. 108).

Не исключено, что и появление аорсов, а, возможно, и сираков в тех местах, где их впервые помещает Страбон и которых он называет беглецами из среды народов, живущих выше, связано с событиями II в. до н. э. Попытку обосновать участие в военных действиях конца IV в. до н. э. на Боспоре сираков (17, с. 45) вряд ли можно признать убедительной (18, с. 16 сл.). Как и появление, примерно, в то же время в Подонье и Поволжье аорсов (19, с. 34 сл.). При принятии этой гипотезы странным кажется, что сираки, отметившие свое появление активным участием в междоусобной войне наследников боспорского престола, затем упоминаются Страбоном только через почти триста лет. Восточного происхождения этнической основы аорсов придерживался Т. Сулимирский, хотя и считал, что само имя пришельцы могли заимствовать у местного населения прохоровской культуры. Однако, по его мнению, передвижение во II в. до н. э. было настолько мощным, что привело к значительному изменению предыдущей культуры и положило начало новому, средне-сарматскому периоду. Он отмечал, что культура переселенцев, появившихся южнее Урала и в прикаспийских степях, имеет удивительное сходство с культурой современного им народа, обитавшего в Семиречье, восточнее Балхаша и на границе Китайского Туркестана (20, с. 116). Причина этого переселения, как считал Т. Сулимирский, была обусловлена успехами хуннов, начиная с захвата ими в 201 г. до н. э. территории динлинов (долина Енисея в районе нынешнего Минусинска), разгрома ими же юэчжей, что привело к движению сако-массагетские племена и определило отступление из казахстанских и центральноазиатских степей различных ираноязычных племен (20, с. 113, 114).

Исходя из всего сказанного, можно сделать ряд выводов.

1. События II в. до н. э., охватившие значительную часть евразийских степей: активизация хуннов на востоке, хунно-юэчжийский конфликт, падение Греко-Бактрии, появление новых группировок кочевников в степях от Южного Урала

до Дона, захват сарматами территории Скифии — взаимосвязаны между собой и представляют звенья одной цепи.

1. Выявленные инновации в материальной культуре сарматов II—I вв. до н. э. в доно-волго-уральских степях являются результатом миграции части населения из более восточных районов, соседствовавших, вероятно, с территориями пазырыкской, тагарской культурами и областью формирования таштыкской культуры. Этот вывод, кроме археологических, подтверждается письменными источниками.

2. В формировании и развитии сарматских культур, особенно начиная со II в. до н. э., большую роль начинают играть миграции. Довольно часто те или иные культурные инновации в них имеют миграционное происхождение. Хотя как правило, появление новых группировок кочевников, внося существенные коррективы в этническую карту расселения сарматов, не приводило к полному изменению всего состава населения. Об этом говорят наблюдения, сделанные на основе анализа археологических памятников сарматов, свидетельствующие о наличии преемственности между, практически, всеми сарматскими культурами, находящей выражение в сохранении и развитии местных традиций в материальной культуре и погребальном обряде.

3. Определенные доказательства этому содержатся в письменных источниках. Это известный пассаж Аммиана Марцеллина об утверждении гегемонии аланов и о постепенном включении в их состав других народов. На этот счет есть и весьма интересное сообщение у китайского историка Бань Гу. Рассказывая о разгроме саков юэчжами, а затем юэчжей — усунями, он отмечал: «Поэтому среди усуней есть потомки сэ (саков — А. С) и потомки больших юэчжей» (8, с. 226). Надо полагать, что когда юэчжи разгромили саков, то часть их влилась в состав юэчжей, а затем те и другие вошли в состав новых победителей.

4. Сарматы — довольно широкий собирательный этноним. Скорее всего он имел определенный смысл и хождение в греко-римской среде и навряд ли воспринимался теми, к кому он непосредственно адресовался. Сарматы, зафиксированные в разное время и на различных территориях письменными источниками, зачастую очень отличались своим происхождением. Родина их была достаточно обширной — от северо-западных границ Китая и Алтая на востоке до Северного Причерноморья на западе. Средой, питавшей в

разное время те или иные объединения сарматов, являлся ирано-язычный кочевой мир, обитавший на этой огромной территории.

5. События II в. до н. э., нашедшие отражения в археологическом материале, вносят определенные уточнения и в периодизацию сарматской культуры. В первую очередь это касается прохоровской (ранне-сарматской) и суловской (среднесарматской) культур. Как уже сообщалось, данные события Т. Сулимирский связывал с началом среднесарматского периода. В нашей литературе также высказывалось мнение о том, что среднесарматскую культуру следует датировать концом II в. до н. э. Однако, наиболее приемлемой для нее оказалась дата I в. до н. э. — I в. н. э. Позднейшие исследования показали, что определяющие прохоровскую культуру черты сохраняются до начала нашей эры, а отдельные их рецидивы встречаются и в начале н. э. Археологический комплекс же среднесарматской культуры складывается к началу н. э. (21).

Исследуемая нами проблема позволяет под новым углом зрения рассмотреть в первую очередь само содержание понятия «прохоровская культура» и периодизацию этой культуры. Следовало бы вообще отказаться от термина «прохоровская культура» и использовать в научном обиходе употребляющийся адекватный ему термин «раннесарматская культура». Курганы у села Прохоровки, ставшие эпонимным памятником для целой культуры, датируются обычно рубежом IV — III вв. до н. э., то есть они относятся собственно к раннему периоду сарматской культуры.

Однако, учитывая, что термин «прохоровская культура» прочно вошел в научный оборот и с ним, естественно, трудно расстаться, его можно сохранить, выделив два этапа прохоровской культуры: ранний (IV — III вв. до н. э.) и поздний (II—I вв. до н. э.).

1. Кисилев С. В. Древняя история Южной Сибири. М., 1951
2. Кызласов Л. Р. Таштыкская эпоха. М., 1960.
3. Девлет. М. А. Сибирские поясные ажурные пластины II в. до н. э. — I в. н. э. — САИ, вып. Д 4—7, 1980.
4. Кубарев В. Д. Курганы Уландрыка. Новосибирск, 1987.
5. Пшеницына М. П. Культура племен Среднего Енисея во II—I вв. до н. э. (тесинский этап). Канд. дис. Л., 1975.
6. Кубарев В. Д. Кинжалы из горного Алтая. — Военное дело древних племен Сибири и Центральной Азии. Новосибирск, 1981.
7. Суразаков А. С. Горный Алтай и его северные предгорья в конце VI — начале II вв. до н. э. — Канд. дис. М., 1984.

8. Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье. М. 1988.
9. Мандельштам А. М. Кочевники на пути в Индию. М.-Л., 1966.
10. Мандельштам А. М. Памятники кочевников кушанского времени в Северной Бактрии. Л., 1975.
11. Ольховский В. С. Население Крыма по данным античных авторов.— СА, 1981, № 3.
12. Десятчиков Ю. М. Сагархи.— ВДИ, 1973, № 1.
13. Кереев Б. М. Памятники сарматского времени Кабардино-Балкарии. Нальчик, 1988.
14. Полин С. В. Население северопричерноморских степей в III—II вв. до н. э. (этнополитический аспект).— Автореф. канд. дис. Киев, 1989.
15. Марченко И. И. Сарматы степей правобережья Нижней Кубани по второй половине IV в. до н. э.— III в. н. э. (по материалам курганных погребений).— Автореф. канд. дис. Л., 1988.
16. Ставиский Б. Я. Кушанская Бактрия: проблемы истории и культуры. М., 1977.
17. Десятчиков Ю. М. Арифарн, царь сираков.— В сб.: История и культура античного общества. М., 1977.
18. Шелов-Коведяев Ф. В. О составе противоборствующих сторон в битве при Фате IV в. дохристианской эры.— Международные отношения в бассейне Черного моря в древности и средние века. Ростов н/Д, 1990.
19. Шилов В. П. Аорсы (историко-археологический очерк).— История и культура сарматов. Саратов, 1983.
20. Sulimirski T. The Sarmatians. L., 1970.
21. Скрипкин А. С. Азиатская Сарматия: проблемы хронологии и ее исторический аспект. Саратов, 1990.

В. Н. Зинько

ЭТНИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ НА ХОРЕ ЕВРОПЕЙСКОЙ ЧАСТИ БОСПОРА В III В. ДО Н. Э.

Проблема взаимодействия варварских племен с Боспорским государством постоянно привлекает внимание исследователей, начиная с работ М. И. Ростовцева. Одной из наиболее интересных и сложных контактных зон была территория Керченского полуострова, который по своему географическому положению находился на оживленном перекрестке движения варварских племен в Причерноморье и активно осваивался, начиная с VI в. до н. э. греческими переселенцами. В результате взаимодействия в IV—нач. III в. до н. э. здесь складывается своеобразное греко-варварское протоэллинистическое государство (1, с. 59), со сложным и пестрым этносоциальным составом населения (2; 3; 4).

Общность территории, хозяйственной деятельности и конкретных условий жизни приводит к сосуществованию и постепенному смешению различных этнических групп. Эти процессы в V—IV вв. до н. э. только намечаются и протекают в отдельных аграрно-территориальных зонах хоры европейской части Боспора, как представляется по археологическим данным, с определенными особенностями (5). Главным проявлением этих процессов в нач. III в. до н. э. является смешение различных этнических компонентов, при том, что варварское население в той или иной форме составляло подавляющую массу жителей на большинстве сельских поселений. Именно эти жители, вовлеченные в сферу экономической деятельности Боспорского государства, являлись основными производителями боспорской пшеницы. В то же время в одних аграрно-территориальных зонах (АТЗ) сельское население в основной своей массе было одноэтничным, в других полиэтничным.

Дальнейший процесс развития европейской хоры Боспора был приостановлен в конце первой трети III в. до н. э. в связи с изменением этнополитической ситуации в Причерноморье, вызванной, как считают некоторые исследователи, продвижением на запад сарматских племен. Формирование нового скифского центра в Крыму, и как следствие этого — временное осложнение скифо-боспорских отношений, привели к оттоку свободного скифского населения в районы Степного Крыма, а кардинальные изменения военно-политической и этнической ситуации привели к переориентации политики Боспора по отношению к местным племенам: происходит переход от союза со скифами к опоре на сарматов (6, с. 14).

В первую очередь эти изменения коснулись скифских этнических групп, обитавших на территории европейской части Боспора, вне зависимости от их хозяйственно - культурного типа, соответствующего социальному и имущественному состоянию: кочевой элемент — аристократия, земледельческий — рядовые общинники (4, с. 58). Уничтожение культуры скифской аристократии наглядно демонстрируется отсутствием курганов скифской знати III в. до н. э. в европейской части Боспора. Единственный памятник этого периода — курган Ак-Бурун (1875 г.) по особенностям погребального обряда и инвентаря соотносится с меотосарматским миром (6, с. 16). В ряде АТЗ европейской хоры Боспора в конце первой трети III в. до н. э. фиксируется запустение сельских поселений. Часть из них была уничтожена, а часть,